

ДЖЕЙМС ХОЛЛИС

ПОД ТЕНЬЮ САТУРНА.

МУЖСКИЕ

ПСИХИЧЕСКИЕ

ТРАВМЫ И ИХ

ИСЦЕЛЕНИЕ

Юнгианская психология

Джеймс Холлис

**Под тенью Сатурна.
Мужские психические
травмы и их исцеление**

«Когито-Центр»

1994

Холлис Д.

Под тенью Сатурна. Мужские психические травмы и их исцеление
/ Д. Холлис — «Когито-Центр», 1994 — (Юнгианская
психология)

В своей книге юнгианский аналитик Джеймс Холлис обращается к проблеме психологических травм мужчин и предлагает способы их исцеления. Только разрешив свои проблемы, в частности связанные с воздействием негативного материнского комплекса, отсутствием необходимого образца маскулинности и ритуалов инициации, современный мужчина сможет почувствовать себя зрелым человеком, способным доверять себе и строить доверительные отношения с окружающими. Книга адресована психологам и всем, кто проявляет интерес к аналитической психологии и психологии межличностных отношений.

© Холлис Д., 1994
© Когито-Центр, 1994

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	6
Введение	8
Восемь сокровенных мужских тайн	12
Глава 1	13
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Джеймс Холлис
Под тенью Сатурна. Мужские
психические травмы и их исцеление

*Посвящается отцу, брату Алану, сыну Тимоти, сыну Ионе, сыну
моей жены Даниэлю и дочери Тарин*

James Hollis

UNDER SATURN'S SHADOW

The Wounding and Healing of Men

© «Когито-Центр», перевод на русский язык, оформление, 2005, 2009

Печатается с разрешения Inner City Books.

Все права защищены. Любое использование материалов данной книги
полностью или частично без разрешения правообладателя запрещается.

Предисловие автора к русскому изданию

Я обращаюсь к российскому читателю с надеждой на то, что, несмотря на имеющиеся культурные различия и периоды трагических взаимных подозрений, мы с вами сможем разговаривать на языке общечеловеческих проблем. Как однажды заметил Альбер Камю, можно отвергать коммунизм и вместе с тем преклоняться перед народом, давшим миру Толстого и Достоевского. Эта книга – попытка указать на то, что жизнь мужчины куда больше определяется его ролевыми ожиданиями, чем государством, в котором он живет. Мужчины не очень протестовали против своей якобы независимой социальной позиции. Возможно, эта псевдонезависимость потому так широко распространена и исторически прочна, что лишь очень немногие могут осознать ее ограничения. Вряд ли рыба осознает, что она плавает в воде. Вряд ли мужчины знают о том, что на протяжении целых веков они плыли по течению и подвергали себя опасности.

Выступая перед женской аудиторией, которая часто задает мне вопросы, связанные с мужской психологией, я говорю: представьте себе, что вы утратили контакт с той внутренней, инстинктивной силой, которую всегда считали и своим истинным спутником, и проводником к вашей сущности. Еще представьте, что вы потеряли всех близких друзей и подруг, с которыми могли поделиться своими тревогами и проблемами. Отказавшись от этих двух постоянных источников поддержки и внутреннего целеполагания, вы превратитесь в обычного человека, состоятельность которого зависит только от его внешних успехов, живущего в крайней эмоциональной изоляции и, по существу, чужого и самому себе, и окружающим его людям. Более того, если бы мужчина попытался понять свое внутреннее состояние, он ощутил бы, как его переполняют стыд, слабость и неуверенность в себе. Если раньше женщины считали, что социальное положение мужчин является привилегированным, ибо в большинстве своем именно они стоят во главе разных социальных институтов, то теперь женщины видят, в каком ужасном смятении оказались мужчины в силу своей же социальной тирании, и начинают смотреть на мужчин с возрастающей симпатией и пониманием.

Изредка меня просит обратиться к этой теме и мужская аудитория. Недавно мне пришлось говорить об этом в одной мужской группе, так как мужчины заранее не сказали мне, что они хотели бы услышать. Они слушали меня внимательно и серьезно, иногда снимая напряжение коротким нервным смехом. Вопросов было очень мало. После нашей встречи один мужчина вышел вместе со мной на улицу и сказал: «Осознаете ли вы, что всколыхнули все то, что накопилось у них внутри?» – «Я лишь сказал ту правду, которую они и так знают», – ответил я. «Да ведь именно ее они и боялись», – заметил он.

Эта книга была написана мною более десяти лет тому назад. В те времена кое-где в США еще существовали очаги мужского движения, но уже тогда можно было наблюдать, как ослабевает его влияние. Хотя я и тогда, и сейчас поддерживаю формирование мужских групп, однако вижу, что большинство этих групп просто распадаются, перерождаясь в типичные для социальных институтов властные структуры. В настоящее время вряд ли можно вообще говорить о существовании мужского движения, несмотря на то что и здесь, и там есть небольшие группы мужчин, которые, встречаясь друг с другом, обсуждают свою жизнь, убеждаясь в том, что они не так одиноки, как им могло показаться.

А потому в последней главе книги сделан акцент на том, что исцеление души современного мужчины – это прежде всего результат индивидуальных усилий. Все мы знаем, что настоящие социальные изменения начинаются с самоосознания и мужества отдельного человека, то есть со способности думать о том, о чем остальные боятся думать. Я надеюсь, что эта книга поможет моим русским читателям почувствовать себя менее одинокими и начать процесс сво-

его индивидуального освобождения, который может сделать всех нас более социально свободными и духовно раскрепощенными.

*Джеймс Холлис
Хьюстон, Техас
январь 2003 г.*

Введение

Запомните, вы пришли в этот мир, уже осознав необходимость бороться с собой – и только с собой. А значит, благодарите любого, кто предоставит вам эту возможность.

Гурджиев. Встречи с замечательными людьми

Мысль написать эту книгу возникла у меня в апреле 1992 года после моего выступления в Центре К. Г. Юнга в Филадельфии. Это выступление сильно запоздало. Я лично лет десять избегал говорить на тему мужского страдания, вдохновения и исцеления, хотя она все больше и больше интересовала меня как юнгианского аналитика. Двенадцать лет назад отношение анализируемых женщин и мужчин в моей практике составляло 9:1. Теперь среди моих пациентов больше мужчин, чем женщин (в соотношении 6:4). Уверен, что подобное изменение в соотношении пациентов мужского и женского пола наблюдается и у других терапевтов; те же причины повлияли и на подъем мужского движения. Я избегал этой темы, так как очень многое казалось мне обыденным. Я считал, что в лучшем случае здесь очень много работы, связанной с исследованиями и с эмоциональным очищением, а в худшем – это представляет собой широко распространенное явление, которое мне было не очень приятно.

Я посвящаю очень много времени индивидуальной терапии и изучению личностных изменений людей. Как правило, это настолько напряженная и глубоко индивидуальная работа, что можно забыть о существовании огромного внешнего мира и самых разных социальных проблем, часть которых непосредственно связана с нами и соприкосновение с которыми становится для нас травматическим. Но со временем мне стало ясно, что истории отдельных мужчин переплелись между собой и превратились в устойчивые лейтмотивы. Постепенно я стал понимать ту истину, которую женщины узнали о себе раньше нас: коллективный опыт мужчин (так же как и женщин) является неотъемлемой частью любой индивидуальной судьбы. На формирование каждой отдельной личности влияют как все перипетии и хитросплетения ее индивидуального развития, так и социальная мифология.

Конечно, сегодня существует много книг, посвященных разным аспектам внутренних противоречий современного мужчины. В своей работе я иногда буду прямо ссылаться на них, делая это обдуманно и с большим удовольствием. Все мы участвуем в борьбе за создание мужского сообщества, и голос каждого из нас звучит по-разному. Я не ставлю цели внести свой вклад в изучение мужской психологии, а лишь хочу остановиться на сложных вопросах, обобщить их и представить в таком виде, чтобы они стали понятны многим. Для этого я использую материалы из собственной клинической практики, связанные с мужской психологией. Своим клиентам мужчинам я очень благодарен за разрешение опубликовать эти материалы.

Цель книги «Под тенью Сатурна» заключается в том, чтобы предложить читателю краткий обзор эмоциональных травм мужчин и возможностей их исцеления, а также исследовать ситуацию в этой области психологии, сложившуюся в последнем десятилетии XX века.

Более того, могу сказать откровенно: много лет я избегал говорить на эту тему не только потому, что мне казалось, будто эти проблемы еще четко не обозначились, но и потому, что я сам испытывал мучительные страдания, живя под тенью Сатурна. И до сих пор мне не всегда ясно мое отношение к собственной маскулинности. По воле судьбы я родился мужчиной. В течение многих лет я просто считал это случайностью, принимал как должное все последствия и был уверен, что выход из-под покрова тени скорее вызовет у меня страх, чем даст ощущение свободы. В книге я буду использовать цитаты из некоторых автобиографий, так как считаю, что они точно и полно отражают суть проблемы. Как заметил художник Тони Берлант, «чем

больше личного и интроспективного содержания включает в себя художественное творчество, тем более универсальным оно становится»¹.

Концентрируя внимание на проблемах мужчин, я нисколько не собираюсь преуменьшать травмы, переживаемые женщинами. Мы, мужчины, находимся в огромном долгу перед женщинами, которые не только говорили во всеуслышание о собственной боли в рамках нашей культурной женофобии, но и стремились к тому, чтобы мужчины, насколько это возможно, могли стать самими собой. За это мы, мужчины, им очень признательны. Их *cri de coeur*² помог мужчинам более осознанно отнестись к собственным травмам, и в итоге все мы добились лучшего результата. Пример женщин, борющихся за свое освобождение от коллективной тени, придает мужчинам мужества и побуждает их поступать так же. Пока мужчины не смогут выйти из тьмы, мы будем продолжать наносить травмы женщинам и самим себе, а мир не станет безопасным и свободным. А значит, мы должны сделать это не только для себя, но и для тех, кто нас окружает.

В середине XIX века датский теолог Серен Кьеркегор заметил, что нельзя спасти свою эпоху, можно лишь выразить убеждение, что жизнь брэнна³. Силы бессознательного, общественные институты и идеологии, направляющие нашу жизнь, настолько инертны, что нельзя надеяться на быстрое изменение общества и характерных для него социально-половых ролей. Но первое и обязательное условие – мужчины должны осознать, что несут в себе мучительную травму. Бессознательное ощущение своей уязвленности заставляет их постоянно наносить травмы и себе, и женщинам. Я часто прихожу в недоумение от того, как у женщин помимо их воли растет ненависть к мужчинам, которые их подавляют, и почти так же удивляюсь тому, как у мужчин растет страх и ненависть по отношению друг к другу.

Таким образом, в этой книге учитывается опыт многих людей, позволяющий каждому конкретному мужчине расширить рамки своего сознания, выразить свое отношение к происходящему и найти путь к исцелению. Образы, которые сознательно и бессознательно управляют нашей жизнью, можно проработать только в результате мучительных индивидуальных переживаний, но возрастающая способность мужчин признавать свою печаль и гнев, принимать участие в начинающемся разговоре друг с другом тоже поможет исцелить травмы, связанные с воздействием внешнего мира.

Я предлагаю читателю посмотреть на себя с точки зрения описанного здесь странствия. Например, для женщины может быть полезным описание борьбы с материнским комплексом, оно позволит ей осознать эту странную амбивалентность, которая, видимо, всю жизнь заставляет мужчин страдать. В мужском странствии существует много этапов и много опасностей. Наши страхи и задачи, которые мы перед собой ставим, очень много для нас значат. Это неправда, что все, чего мы не знаем, не причинит нам боли; в действительности все, чего мы не знаем, причинит нам очень сильную боль, и тогда мы, как Самсон, вслепую обрушим храм на свои головы⁴.

Чтобы подвести каждого из нас к большему осознанию происходящих с мужчиной перемен и его мучительных исканий, мне придется раскрыть мужские тайны. Я написал о них так, чтобы они были более понятны женщинам. Некоторые из этих тайн могут оказаться новыми для самих мужчин, и все же я не сомневаюсь: каждый мужчина, читатель этой книги, согласится с тем, что они указывают на травмы, которые он носит в своем одиноком, наполненном

---

¹ *Clothier P.* Hammering Out Magic // Art News. P. 113.

² Крик души (франц.).

³ *Kierkegaard S.* The Journals of the Kierkegaard. P. 165.

⁴ Имеется в виду библейская притча о Самсоне. Самсон, не знавший о том, что его предала Далила и что от него отступился Господь, по-прежнему считал себя неуязвимым и, обрушив весь дом на своих врагов, сам погиб под его развалинами (Книга Судей, 16: 18, 20, 30).

страхом сердце. Если мы не в силах ничего сделать с уязвленностью и страхом, то, по крайней мере, можем покончить с одиночеством.

* * *

Название этой книги напоминает нам о том, что и мужчины, и женщины всегда несут на себе тяжкое бремя тени идеологий: одни – сознательно, другие – унаследовав его от семьи и этнической группы, в качестве какой-то части национальной истории или ее мифологической основы. Эта тень отягощает душу человека. Мужчины чувствуют бремя этой тени, подавляющее и поражающее их силу духа. Ощущение ее тяжести является сатурнианским. Мужчина в нашей культуре – это человек, который должен исполнять различные социальные роли, отвечать определенным ожиданиям, конкурировать и испытывать враждебность. Но именно это обесценивает лучшие качества и способности мужчин, ведет к тому, что это бремя становится невыносимым. Оно ощущалось всегда, но сегодня мужчины, обладающие мужеством, начинают сомневаться в необходимости жить, испытывая бремя этой тени.

Сатурн был римским богом, покровителем сельского хозяйства. С одной стороны, как бог земледелия, он покровительствовал римской цивилизации; с другой стороны, он ассоциировался с целой серией мрачных, кровавых историй. Его древнегреческий прообраз Крон был порождением мужского начала – Урана и женского начала – Геи. Уран ненавидел своих детей, так как боялся за свое будущее; миф говорит о том, что он был «первым, совершившим постыдные поступки»⁵. Его жена Гея наточила серп и побудила Крона напасть на отца. Крон подкрался к спящему Урану и оскопил его с помощью серпа. Схватив левой рукой (с которой с тех пор соотносятся плохие предзнаменования) отрезанные гениталии, он забросил их вместе с землей в море. Из пролившихся на землю капель крови Урана возникли три страшные эринии: Алекто, Тисифона и Мегера, мстящие отцеубийцам и клятвопреступникам. Из семени Урана, попавшего в море, родилась Афродита, имя которой буквально означает «рожденная из пены»⁶.

Крон-Сатурн сменил своего отца и стал точно таким же тираном и деспотом. Как только у них с супругой Реей родились дети, он пожирал их. Единственным ребенком, которому удалось избежать этой участи, был Зевс. Когда Зевс вырос, он, в свою очередь, пошел на отца войной, которая продолжалась десять лет. С триумфальной победой Зевса появились многие признаки цивилизации, но и он тоже оказался жертвой комплекса стремления к власти и превратился в деспота⁷.

Таким образом, история о Кроне-Сатурне – это история о власти, ревности и опасности, то есть о насилии над эросом, над способностью к рождению и над самой землей. Как однажды заметил Юнг, там, где есть власть, не может быть любви⁸. Человек стремится быть всемогущим, как боги, но мы видим, как власть, которой он обладает, искажается, превращаясь в комплекс. Сама по себе власть нейтральна, но без любви она управляется страхом и компенсаторными амбициями, которые в конце концов приводят к насилию. Как заметил Шекспир, «нет покоя голове в венце»⁹.

Исторически сложилось так, что большинство мужчин выросли под тенью Сатурна. Страдая от своей несостоятельности и постоянно испытывая страх, они наносили травмы себе и

---

⁵ Cronwell's Handbook of Classical Literature. P. 109.

⁶ Там же. P. 41.

⁷ Преследование им Прометея, да и других, очень хорошо известно. См., например: *Hamilton E. Mythology*. P. 75–78.

⁸ «Там, где царит любовь, нет места стремлению к власти, а где стремление к власти взяло верх, там нет места любви». См.: *Jung C. G. Two Essays on Analytical Psychology // Jung C. G. C. W. Vol. 7. Par. 78*. [Полное собрание сочинений Юнга здесь и далее сокращенно обозначается С. W.]

⁹ *Шекспир В. Король Генрих IV. Часть вторая // Весь Шекспир. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 701.*

другим. Современные мужчины могут считать, что альтернативы не существует и наследие Сатурна – это все, что у нас есть. Я в это не верю.

Я предлагаю читателю книгу «Под тенью Сатурна», чтобы разобраться в некоторых из множества способов, при помощи которых эти темные мифы бережат нашу душу. Я надеюсь, что книга поможет каждому человеку заглянуть в себя, чтобы обрести внутреннюю свободу.

Восемь сокровенных мужских тайн

1. Жизнь мужчины, как и жизнь женщины, во многом определяется ограничениями, заложенными в ролевых ожиданиях.
2. Жизнь мужчины в существенной мере управляется страхом.
3. Фемининность в мужской психике обладает огромной властью.
4. Мужчины хранят молчание с целью подавить свои истинные эмоции.
5. Травма является необходимой, так как мужчины должны покинуть мать и психологически выйти за рамки материнского.
6. Жизнь мужчин полна насилия, так как насилию подверглась их душа.
7. Каждый мужчина очень тоскует по отцу и нуждается в общении со старейшинами своего сообщества.
8. Если мужчины хотят исцелиться, им следует мобилизовать все свои внутренние ресурсы, восполнив то, что они в свое время не получили извне.

Глава 1

Наследие Сатурна: заповеди, роли, ожидания

«Человек рождается свободным, но повсюду он в оковах». Так начинает Жан-Жак Руссо свой труд «Социальный договор, или Принципы политического права», написанный в 1762 году. Мы приходим в этот мир свободными, независимыми и здоровыми. Но поскольку мы тесно связаны с родителями и культурной средой, в которой растем, то постепенно утрачиваем свою природную сущность. Все мы проходим через социализацию, позволяющую нам создавать семью, участвовать в жизни разнообразных социальных институтов, которые хотя и обладают определенной самостоятельностью, но постоянно требуют, чтобы человек жертвовал ради них своей индивидуальностью.

В строении наших костей, в ткани наших нервов, в коридорах нашей памяти мы сохраняем драгоценные черты младенца. Кто из нас, подобно юному герою романа Джеймса Эджи, не лежал на траве под звездами ночного летнего неба и не размышлял о таинстве этой жизни, с помощью детской интуиции пытаясь разобраться в вопросах, которые она перед нами ставит? «Мы сейчас говорим о летних вечерах в Кноксвилле, штат Теннесси, в те времена, когда я там жил, успешно выдавая себя за ребенка»¹⁰. Как только взрослые выходили из-за обеденного стола, услышав шум струи поливальной машины, и взбирались на скрипучее покатое крыльцо, мы, дети, сразу уносились своими мечтами туда, где

...дремота, томно улыбаясь, влечет нас к себе и уносит туда, где меня принимают как хорошо знакомого и любимого человека, в том другом доме... но при этом не скажут ни сейчас, ни потом, никогда не скажут о том, кто я такой¹¹.

Подобные размышления о прошлом посещают каждого из нас: размышления о нашем пребывании на этой земле, о тумане страха, устилающем путь в будущее, и, несмотря на этот страх, воспоминания о радости жизни, которая бурлит у нас в крови. Но куда же ушла та радость? Откуда эта тяжесть, боль в теле, душевная усталость, апатия мыслей и ломота в костях? Что случилось с тем ребенком – здоровым, полным наивной детской гордости собой? Он по-прежнему спонтанно живет в нас, пребывая «в одиноком ощущении скоротечной радости»¹², в легкой паутине сновидений, сразу ускользающих от сознания, как только мы включаемся в нашу ежедневную работу. Он живет, но запрятан где-то глубоко внутри нас. Он очень устал под огромной тяжестью тени Сатурна.

Позвольте мне привести пример из своего детства. Время от времени мой отец смеялся, или шутил, или даже присвистывал. Но, уже будучи ребенком, я постепенно стал понимать, что, когда он свистел, дела обстояли очень плохо, причем даже в тех случаях, когда я ощущал в этом свисте какой-то героический порыв. Он «свистел в темноте»¹³, создавая видимую маску благополучия. Спустя какое-то время я стал понимать, что, начиная свистеть, он не чувствовал радости, а, наоборот, ему было плохо. Несмотря на все его усилия скрыть неприятности, я знал, что его дела идут не лучшим образом.

Мой отец был вынужден завершить свое образование в восьмом классе, так как его отец потерял работу в компании по изготовлению сельскохозяйственной техники в период Великой депрессии, когда многие фермы на Среднем Западе стали разоряться еще до наступления

---

¹⁰ Agee J. A Death in the Family. P. 11.

¹¹ Там же. P. 15.

¹² Yeats W. B. An Irish Airman Foresees His Death. Line 11 // Collected Poems of W. B. Yeats.

¹³ «Свистеть в темноте» – устойчивое словосочетание, означающее «вести себя, словно не чувствуя страха».

полного краха в 1929 году. Вполне определенное послание моему отцу, на которое он отвечал всю оставшуюся жизнь, заключалось в том, что он должен был пожертвовать своими личными интересами и работать для поддержания семьи.

Будучи старшим ребенком в семье, я помню и то, как он потом целыми днями работал на фабрике «Эллис-Чалмерс» на конвейере, где собирали тракторы и другое сельскохозяйственное оборудование, а ночами и в выходные дни развозил на грузовике людям уголь и сгружал его лопатой. Позже, по иронии судьбы, его назначили «аналитиком» на этот сборочный конвейер; он объяснял своим коллегам, инженерам с высшим образованием, как можно справиться с той или иной проблемой, над которой они ломали голову. За это время он изучил работу всей системы конвейера. Отец мог найти и исправить любую возникшую на производстве неполадку и наконец занял должность, равную по статусу должности инженера, отвечающего за соблюдение техники безопасности.

В течение 50 лет каждую пятницу он приносил домой чековую книжку, на которую почти всегда была начислена очень приличная зарплата. Мы никогда не голодали, как, например, бывало, голодал мой лучший друг Кент, но даже тогда я знал, что отец беспокоился, чтобы мы не голодали. И именно от него я получил свое первое сатурнианское послание, ясное и непререкаемое. Оно заключалось в том, что быть мужчиной – значит работать. Работать всегда, выполнять любую работу, чтобы поддержать тех, за кого несешь ответственность. Это означало, что удовлетворение личных потребностей отходит на второй план по сравнению с такой высокой задачей. Много лет спустя, когда одна женщина спросила меня, какую надпись мне бы хотелось иметь на своем надгробном камне, я ответил: «Здесь лежит тот, на кого можно было положиться». Это послание было таким весомым, что мой отец, а позже и я сам были готовы умереть, чтобы его исполнить и остаться такими в памяти потомков.

Спустя много времени, когда я написал отцу поздравительную открытку, он мне ответил несмотря на разделявшую нас эмоциональную пропасть: «Простите меня, мои мальчики, за то, что не смог вас очень хорошо узнать, потому что должен был все время работать». Он ругал себя за то, что наше взросление и развитие прошли мимо него. И, несмотря на это, я отдаю должное его преданности нам и считаю, что он сделал для нас все, что мог. Я знал, что он работал на нас, страдал из-за нас, беспокоился о нас, и сначала я не думал, что у него могут быть какие-то болезненные переживания, связанные с его работой. Вместе с тем я понимал: такая жизнь не идет ему на пользу, но, по-видимому, жить именно так для него значило быть мужчиной.

В период нашего формирования разразилась Вторая Мировая война. Я помню, как люди в тревоге собирались вокруг динамиков, чтобы услышать о жестоких сражениях в Европе и Юго-Восточной Азии и узнать что-то о своих близких, которые находились где-то там, в местах с такими странными названиями, как Тулаги, остров Минданао, или за крупнокалиберным пулеметом в хвосте В-17¹⁴. (Они вернулись обратно; но двадцатичетырехлетний парень возвратился с Филиппин совершенно седым, а стрелок-радист – с осколком зенитного снаряда, оставшимся в его ноге.)

Черный креп одежды, горестные, полные слез расставания на вокзалах, огромная, нескрываемая тревога внесли в мое ощущение жизни нечто очень большое и ужасное, то, что остается и сейчас и не может нас отпустить. Я наслушался ужасных историй, например, о семье, получившей от сына открытку из Красного Креста. В ней прямо под маркой я прочитал: «Они отрезали мне язык». Не знаю, была ли в этих рассказах правда, но окружавшие меня взрослые им верили. Этого мне было достаточно.

---

¹⁴ В-17 – основной бомбардировщик военно-воздушных сил США, который наряду с другим бомбардировщиком, В-24, участвовал во Второй Мировой войне, преимущественно в бомбардировках Германии. Буква «В» в названии самолета В-17 является первой буквой слова «Bomb» – бомба.

Военное время дало мне второе неоспоримое послание о том, что значит быть мужчиной. Я был твердо уверен: моя судьба заключается не в том, чтобы стать «акулой капитализма», а в том, чтобы вырасти и стать солдатом, отправиться куда-то далеко, чтобы там убивать или быть убитым либо же измученным и искалеченным вернуться домой. Целые ночи напролет я лежал в кровати, не в силах заснуть, представляя все эти ужасы, предназначенные мне судьбой. Люди, пережившие Великую депрессию, сохранили на себе ее шрамы и оставшийся в глубине страх. Пережившие военное детство до сих пор содрогаются при воспоминании о царивших тогда ужасах и неопределенности.

Будучи ребенком, выросшим на Среднем Западе, я находился так далеко от разрушенных и уничтоженных городов, но для нас линия фронта проходила везде, и везде мы испытывали страх. Тогда я даже не слышал о Дахау, Берген-Бельзене и Маутхаузене, но, став взрослым, я приехал туда со своими детьми. То, что я почувствовал, нельзя назвать паранойей. Меня охватило страшное беспокойство... Но, поскольку я был мужчиной, от меня ожидали мужской реакции и мужской ответственности... Самое тяжелое наследие Сатурна составляют работа, война и тревога!..

Каждый мужчина может вспомнить похожие переживания. Каждый может оказаться в ситуации, когда он чувствует, что от него требуется нечто большее, чем просто способность понять.

Ребенок, втянутый в такой водоворот событий, отчаянно ищет хоть какую-то информацию, пример для подражания, модель поведения, совет, указание, помощь; получив ее, он может сразу отказаться и, возможно, даже станет подавлять. Выбрав этот путь, юноша надеется, что «они» (взрослые) отведут его в сторонку и научат всему, что ему нужно знать.

Помню, как я стал свидетелем одного таинства именно тогда, когда мне это было нужно больше всего, чтобы понять, что значит быть мужчиной. У отца в ладони застрял рыболовный крючок. Не меня выражения лица, отец его вытащил.

Я стал подозревать, что взрослые не чувствуют боли так, как чувствуют ее дети, но вместе с тем я считал, что его кто-то научил этому загадочному мужеству и терпению, которому я так отчаянно хотел научиться. Хотелось надеяться на то, что однажды «они» отведут меня в сторонку и научат, как быть мужчиной. Я верил, что это может случиться, когда нужно будет пойти в школу. (Ничего еще не зная о том, что такое пубертат, я видел, что старшеклассники гораздо больше нас по своим габаритам, а потому они казались мне ближе к тем людям, которых называют взрослыми.) Но, к своему удивлению и разочарованию, с приближением дня, когда я должен был пойти в школу, я почувствовал, что «они» никогда не отведут меня в сторону и не скажут, что значит быть мужчиной и как вести себя по-взрослому.

Теперь я, конечно же, знаю, что «они», старейшины нашего времени, тоже не знали, что значит быть мужчиной. Они тоже не прошли инициацию и вряд ли могли пережить таинства и получить освобождающее их знание.

Так постепенно я пришел к осознанию необходимости совершения переходного ритуала, превращающего мальчика в мужчину. Такой ритуал не только обозначает переход от детской зависимости к самостоятельности взрослого человека, но и обеспечивает преемственность таких ценностей, как чувство гражданского долга, а также таких установок и убеждений, которые связывают человека с его богами, обществом, в котором он живет, и с самим собой. Надо сказать, что такие ритуалы уже давно утратили свое влияние и исчезли. «Часто приходилось слышать, – заметил Мирча Элиаде, – что одной из характерных особенностей современного мира стало исчезновение всех традиционных ритуалов инициации»¹⁵. В наше время может оказаться непонятным даже само словосочетание «ритуал инициации», или «переходный ритуал».

---

¹⁵ Jung C. G. Rites and Symbols of Initiation. P. IX.

Ритуал – это движение в глубину. Ритуалы не изобретают – их открывают, находят, совершают; они рождаются при достижении архетипической глубины. Цель символического действия, которое воспроизводится в ритуале, заключается в том, чтобы вовлечь человека в такого рода глубинное переживание. Бессмысленное повторение переходных ритуалов может привести к утрате их способности выводить человека за рамки совершающегося действия, в архетипическую глубину. И тогда ритуал становится пустым и бессодержательным.

Вместе с тем у человека по-прежнему есть потребность в погружении в архетипические глубины. В своей работе «Символическая жизнь» Юнг пишет о том, как важно индейцам племени пуэбло считать, что их ритуалы помогают восходу солнца.

Люди ощущают умиротворение, когда чувствуют, что живут жизнью, наполненной символами, и являются актерами в божественной драме. Только такая жизнь придает смысл человеческому бытию, все остальное оказывается банальным и не заслуживающим внимания. Деловая карьера, деторождение – все это лишь *майя*¹⁶ и очень удалено от истинного смысла вашей жизни¹⁷.

Живя в обществе, в котором не осталось ритуалов, придающих жизни смысл, мы встаем перед жестокой реальностью – жизнью на поверхности. Сама идея *перехода* содержит в себе глубинный смысл, ибо любой переход подразумевает некое завершение, конец чего-то и вместе с тем некое начало, рождение нового. Статична только смерть; основной закон жизни – изменение, и нам предстоит пройти через множество смертей и возрождений, если мы хотим прожить жизнь, наполненную смыслом¹⁸. *Инициация* подразумевает вступление человека в новый и таинственный мир.

В связи с тем, что переходные ритуалы практически исчезли из нашей культуры, современному мужчине приходится самостоятельно доходить до понимания важности такого рода событий. Ибо то, чего теперь нам не дает наша культура, мы вынуждены искать для себя сами.

Несмотря на множество культур с присущими им особенностями, архетипические стадии таких переходных ритуалов в них были поразительно схожими. Кажется, что наши предки интуитивно улавливали важность такого обособления и развития личности и чувствовали необходимость таких процессов. Длительность, интенсивность и определенность этих ритуалов напрямую зависели от трудности расставания с детством и взросления. В нашей культуре лишь очень немногим людям удастся осуществить психологическое отделение от родительской семьи и стать взрослыми, поэтому имеет смысл раскрыть и осмыслить переживания человека на всех стадиях процесса инициации. Повторяю: все, что нам не дала наша культура, приходится восполнять самостоятельно. Мы не можем уйти от решения данной проблемы, ссылаясь на свое невежество, ибо в таком случае процесс превращения мальчика в мужчину останется незавершенным.

Обобщенно можно представить шесть стадий переходного ритуала. Несмотря на то что содержание каждой из них различалось в зависимости от местных условий и традиций, сами стадии вполне вписывались в единые общекультурные формы.

Первая стадия переходного ритуала – *физическое отделение* от родителей, необходимое для начала психологического отделения. Здесь у мальчика никогда не было выбора. Среди ночи его «похищали» у родителей старшие соплеменники, которые, надевая маски или раскрашивая лица, перевоплощались в богов или демонов. Маски помогали им совершить переход с уровня родственников и соседей к уровню богов и архетипических сил. Внезапность и даже насилие, присущее такому отделению, олицетворяли собой тот факт, что ни один юноша добровольно не расстанется с комфортом домашнего очага. Его тепло, защита и забота имеют огромную

---

¹⁶ Майя – метафора иллюзии в юнгианской психологии.

¹⁷ Jung C. G. The Symbolic Life // Jung C. G. C. W. Vol. 18. Par. 630.

¹⁸ См. мою книгу: Hollis J. The Middle Passage: From Misery to Meaning in Midlife.

притягательную силу. Но остаться у домашнего очага, образно или реально, значит остаться ребенком и тем самым отречься от возможности стать взрослым.

Второй стадией переходного ритуала была *смерть*. Мальчик должен был быть символически похоронен: он проходил через темный туннель, полностью погрузившись в реальный или символический мрак. Хотя это действие, несомненно, приводило его в ужас, на самом деле юноша переживал символическую смерть детской зависимости. Он по-настоящему страдал от утраты родительского очага. «Ты больше не сможешь вернуться домой». Это была потеря невинности, потеря связи с раем, детским эдемом. Во время такого «умирания» ребенок, по образному выражению Дилана Томаса, «уносится куда-то, на далекую ферму, навсегда расставшись с миром своего детства»¹⁹.

Но, несмотря на смерть, жизнь должна продолжаться. Поэтому третья стадия представляла собой ритуал *возрождения*. Иногда это возрождение сопровождалось изменением имени, подтверждая появление на свет нового человека. (Христианское крещение, очевидно, символизирует такой мотив смерти – возрождения, когда во время совершения ритуала человек возвращается в родную водную среду. Римско-католическая конфирмация²⁰, а также бар и бат митцва²¹ в иудаизме – примеры дошедших до нас ритуалов.)

Четвертая стадия инициации обычно включала в себя *обучение*, то есть приобретение знаний, которые требовались юноше, чтобы он мог вести себя как взрослый мужчина. Основная задача здесь состояла в приобретении практических навыков, таких, как охота, рыболовство, умение обращаться со скотом, которые позволяли новообращенному мужчине наряду с другими мужчинами поддерживать и защищать свое сообщество. Кроме того, ему сообщали о его правах и обязанностях взрослого мужчины и члена сообщества. И наконец, на этой стадии происходило посвящение в таинства, при котором у юноши должно было появиться ощущение твердости духа и сопричастности трансцендентному миру. «Кто наши боги?» «Какому обществу, каким законам, этике, духовным ценностям они покровительствовали?» Помещение юноши в мифический контекст собственной формирующейся идентичности придавало ему ощущение многомерности процесса, в котором он участвовал, и обогащало его душу.

Пятую стадию можно определить как *суровое испытание*. По своему содержанию оно могло быть разным, но при этом мальчик должен был подвергаться мучительным страданиям из-за ухода от домашнего очага, обеспечивающего ему комфорт и защиту. Подробнее об этом я скажу немного позже, но нас, современных людей, особенно поражает, что неоправданная на первый взгляд жестокость этих испытаний фактически была частью мудрого понимания того, что такие страдания ускоряли осознание. Осознание приходит только через страдания; без страданий, выраженных в той или иной форме, физической, эмоциональной или духовной, мы легко удовлетворяемся прежними правилами, удобными привычками и зависимостями. Вторая причина необходимости страданий связана с желанием помочь мальчику привыкнуть к превратностям реальной жизни, которые он довольно скоро испытает на себе. Хотя подобная практика кажется нам варварской, ритуальное «обрезание» и «кровопускание» не только знаменует расставание с телесным комфортом и детскими зависимостями, но и накладывает на человека знак избранности, принадлежности к сообществу прошедших через инициацию взрослых.

Испытание обычно включало определенные формы изоляции, пребывание в сакральном пространстве, отдельно от остального сообщества. Существенная особенность взрослой личности состояла не столько в том, что человек больше не мог вернуться под защиту взрослых, а

---

¹⁹ Thomas D. Ferm Hill // *Thomas D. Collected Poems*. P. 180.

²⁰ Таинство миропомазания – помазание частей тела (лба, ладоней, ступней) святым миром – означает введение в звание мирянина, члена церкви. Совершается над детьми 7–12 лет.

²¹ Бар и бат митцва – традиционные еврейские праздники, посвященные официальному совершеннолетию мальчиков и девочек по достижении ими 13 и 12 лет соответственно.

в том, что он учился использовать внутренние ресурсы. Никто не догадывается о существовании таких ресурсов, пока ему не придется их использовать. Мир природы темен; в нем много «странных зверей и демонов», и конфронтация человека с собственным страхом – это момент истины. Ритуальное уединение позволяет приблизиться к постижению главного: независимо от того, в какой мере наша социальная жизнь связана с семьей, мы совершаем странствие по ней в одиночестве и должны научиться находить внутренние ресурсы и равновесие, иначе никогда не станем взрослыми. Часто проходящий инициацию юноша проводил в одиночестве месяцы, ожидая Великого Сна как послания богов о своем настоящем имени или истинном призвании. Он мог полагаться только на свою сообразительность, свое мужество и свое оружие; в противном случае у него оставалось мало шансов на выживание.

К началу последней стадии, *возвращения*, мальчик становился взрослым.

В традиции переходных ритуалов заключалась большая мудрость, ибо они непосредственно и глубоко влияли на энергию материнского комплекса, то есть присутствующее у каждого из нас чрезвычайно сильное стремление к зависимости. Для преодоления этой инертной силы притяжения требуется осознанное эмоциональное переживание. Ни один здравомыслящий человек не хочет добровольного отделения, а потому психологическая апатия, страх и зависимость начинают приобретать доминирующий или угрожающий характер в нашей жизни.

В традиционных культурах ритуалы инициации мальчиков были более развиты, чем ритуалы инициации девочек, ибо ожидалось, что, покинув родную мать, девочки снова вернутся к домашнему очагу²². Ритуалы отделения прежде всего касались мальчиков не только из-за особой значимости материнского комплекса в их жизни, но и ввиду ожиданий того, что мальчики покинут природный мир, «инстинктивную» жизнь и уйдут в искусственный, созданный человеком мир цивилизации и культуры.

Например, экономика представляет собой совершенно искусственный конструкт. Деньги, кредитные карточки, игра на бирже – от этих предметов и действий зависит жизнь человека, и на многие из них частично проецируется его душа. Чувство насыщения или чувство голода – это «инстинктивные» ощущения; ожерелье из раковин, чековые книжки или премии – это искусственные предметы. Чтобы отделить ребенка от «мира инстинктов», требуется нуминозный²³ процесс, не менее мощный, чем стремление ребенка по-прежнему оставаться в бессознательном.

Традиционные переходные ритуалы необходимы и для того, чтобы перекинуть мост из детского состояния во взрослое, от зависимой, «инстинктивной» жизни мальчика к независимой самодостаточности взрослого мужчины. Когда ритуалы выполняют свое назначение, мальчик ощущает экзистенциальные перемены; в нем умирает одна сущность и рождается другая. Но, как известно, таких ритуалов сегодня нет. Если спросить современного мужчину, ощущает ли он себя мужчиной, этот вопрос, скорее всего, покажется ему либо глупым, либо подзрительным. Он знает свои социальные роли, но при этом не может определить, что же значит быть мужчиной, и, вероятно, не может ощутить, что сам воспринимается окружающими в соответствии со своим неполным и неточным самоопределением. Мудрые старейшины ушли в мир иной или в депрессию, стали алкоголиками, сидят на заседаниях президиумов крупных корпораций или благополучно спустились на золотых парашютах²⁴. Мост, переброшенный от детства к мужской взрослости, смыло волной.

---

²² Сегодня прежние полорольевые ожидания разрушились. Современные женщины не меньше, чем мужчины, испытывают потребность в переходных ритуалах, позволяющих им стать взрослыми. См., например: *Perera S. B. Descent to the Goddess: A Way of Initiation for Women.*

²³ *Numinosum* (от *лат. numen*) – божество. Нуминозный – не копирующий, не символизирующий, а являющий стоящие за реальностью силы.

²⁴ «Спуститься на золотом парашюте» – выражение американского «корпоративного» сленга. В крупных американских корпорациях существует традиция: люди, проработавшие долгое время в корпорации и вышедшие на пенсию с высоких долж-

А поскольку у современных мужчин нет доступных для них традиционных переходных ритуалов и нет мудрых старейшин, чтобы помочь переправиться «на другой берег», им приходится искать ключевые ответы на свои вопросы в ролевых ожиданиях и в пустых по своей сути ролевых моделях. В это время смятение и боль вытесняются в глубину души, или отыгрываются с применением насилия, или вообще не достигают сознания. И тогда брешь между мудростью и опытом заполняется внешними образами, которые (что справедливо и для мужчин, и для женщин) редко подпитывают душу.

Следовательно, первая великая тайна, которую следует признать открыто, звучит так: *жизнь мужчины, как и жизнь женщины, определяется ролевыми ожиданиями*. А в результате оказывается, что эти роли не созвучны тому, что нужно душе мужчины, не поддерживают ее и не придают ей силы.

Именно растущее осознание этого ужасного расхождения между ролевыми ожиданиями и потребностями души породило социальное явление, которое называется мужским движением. Хотя у этого движения нет ни официальной структуры, ни общественного института, представляющего интересы мужчин (как, например, Национальная женская организация), и не разработана ясная социально-политическая программа, возникающие мужские организации и сообщества и возрастающее число книг, посвященных психологическим проблемам современных мужчин, – все это направлено на то, чтобы пробудить внимание общества к проблемам мужчин. Суть этого движения кратко выразил Джон Ли:

Это эмоциональное движение, позволяющее мужчинам освободиться от боли и яда, которые веками накапливались у них внутри. Оно не стремится к власти, но содержит достаточно внутренней энергии, чтобы освободить мужчин и их духовность от деспотизма старых парадигм: «Не чувствуй. Уми раньше женщины. Не печалься. Не злись. Не задирай нос. Не верь другим мужчинам. Не горячись, не заплатив по счетам. Следуй за толпой, а не своему призванию»²⁵.

Я полностью согласен, что протест против сложившегося положения вещей возникает у многих мужчин. Но в каждую группу, в каждое движение неминуемо прокрадывается тень власти. Вполне естественно и понятно, что слишком социализированные или «домашние» мужчины ощущают тоску и потребность в чем-то диком и глубинном. При этом среднестатистический мужчина никогда не присоединится к группе, сочтет для себя смешным пойти с другими мужчинами в лес, чтобы там бить в барабан, и вряд ли станет подвергать себя риску обнаружить свою ранимость в присутствии других мужчин. Я вовсе не подвергаю критике мужчин, которые, собравшись в лесу, рыдали, испытывали приступы ярости и били в барабан, ибо, наверное, этого просила их душа. Вместе с тем такие действия столь же важны с точки зрения длительной перспективы, как сжигаемый сегодня бюстгальтер на долгом пути женщин к получению равных с мужчинами прав и возможностей. Горящий бюстгальтер позволяет женщинам, по крайней мере некоторым из них, ощутить эмоциональное облегчение. Но, по-моему, эту энергию с большей пользой можно потратить на дискуссию в суде или на работу над изменениями в социальной культуре.

Мы все только начинаем осознавать мужские переживания, и многим мужчинам нужно найти форму снятия эмоционального напряжения и способ поделиться своей болью с другими. Но я думаю, что будущие поколения будут со смущением и ностальгией оглядываться на наше время, когда в лесах собирались целые толпы «диких» мужчин, точно так, как мы сейчас

ностей или перешедшие в другие корпорации, заключают со своей компанией выгодные для себя контракты, вплоть до выкупа контрольных пакетов акций. Таким образом, их не «выбрасывают» на улицу, а они плавно спускаются на землю на «золотых парашютах».

²⁵ Lee J. At My Father Wedding. P. XVIII.

думаем о том, что происходило в 60-е годы XX века. Вооруженные добрыми намерениями «шестидесятники» очень хотели повлиять на ход истории, но, к сожалению, если и повлияли, то мало.

Недавно я навестил своего сына в Санта Фе, где он живет и стремится стать художником. Мы поднялись на машине на Химес Маунтенс так высоко, что добрались до конца дороги. Мы видели сов, оленя и двух больших черных птиц, сидящих на скале. Подойдя ближе, мы разглядели у скалы «ноги» и заметили двух хищников, поедающих американского лося. Мы оказались далеко от цивилизации и даже стали шутить, что, если вдруг пойдет снег, после весенней оттепели здесь найдут тела двух англоамериканцев. Мы вернулись на площадь в Санта Фе с теплым чувством, ощущая себя двумя древними путешественниками.

На улице мы встретили лидера местного мужского сообщества, сын представил меня ему. Этот мужчина сразу же начал у меня допытываться, что я знаю, кого я знаю, был ли я барабанщиком и т. д. Я чувствовал, как меня против моей воли втягивают в разговор, вызывая желание возражать. Затем очень вежливо этот мужчина пригласил меня присутствовать при совершении обряда изменения имени двух людей, которым завтра исполняется пятьдесят лет. Когда я ответил, что завтра утром вылетаю из Альбукерка в Атлантик-Сити рейсом 7:30, он сказал: «Я не отпущу вас так скоро. Почему вы проводите так мало времени со своим сыном?»

Я стал ему объяснять, что должен вернуться: мне нужно работать, чтобы оплачивать счета (классическая мужская защита, которая, однако, соответствует действительности), но сын вмешался в разговор раньше, чем я закончил фразу, и сказал: «За этот год отец приезжает сюда уже третий раз». «Ну, тогда ладно», – ответил наш собеседник, и мы расстались.

Мы с сыном поразмышляли над этой встречей, отметив, что при всем своем понимании, которое демонстрировал этот мужчина, он проявил негативную реакцию, задев определенные мужские проблемы. Он хотел вызвать у меня чувство соперничества и добился своего; затем он попытался вызвать во мне чувство стыда, связанное с ролью отца. Я уверен, что в его поведении не было злого умысла, и, наверное, я действительно виноват в своей одержимости работой, а также в том, что я далеко не идеальный отец, но мы оба попали в давно подготовленную для мужчин ловушку. Цель мужского движения не заключалась в активизации этих старых комплексов и столкновении мужчин между собой, но именно это, собственно, и произошло против нашей воли.

В этой полуночной дуэли на площади в Санта Фе никто из нас не вытаскивал шестизарядный револьвер, но звучали выстрелы, которые достигли цели. Вся дуэль продолжалась 240 секунд и ушла в прошлое, превратившись в воспоминание. Мужчина, лидер «движения», приветствуя меня, в меня выстрелил. Автоматически включился его комплекс, и мужчина стал задавать мне вопросы, затронувшие мое прежнее рефлекторное стремление к соперничеству. Затем очень тонко стала проявляться и сама теневая проблема стремления к власти: мой оппонент стал искать возможности пристыдить меня как невнимательного отца. Он задал вопрос, чтобы почувствовать себя выше меня. Вдохновленный принципами мужского движения, а также поиском возможности избавиться от игр, связанных с мужским соперничеством, он сам тем не менее сразу же начал играть в эти игры.

Состоявшийся между нами короткий разговор мог показаться безобидным, и, наверное, я придаю ему слишком большое значение, однако я думаю, что его анализ позволит нам увидеть роль, которую играет бессознательное, активизировавшее комплексы и рефлекторное поведение, заведомо проигрышное для мужчины. Комплекс – это эмоционально заряженный кластер психической энергии. Мы можем осознавать или не осознавать действие этого психического заряда, но в активизированном состоянии комплексы обладают энергией, достаточной для временной дестабилизации сознательной личности. Таким образом, сама ситуация – два мужчины встречаются и оценивают друг друга – активизировала комплексы, и против своей воли и своего намерения мы начали играть исторически predetermined роли. На уровне

коллективной психики мужчины ежедневно отыгрывают свое стремление к соперничеству и желание вызвать у конкурента чувство стыда; такая «подковерная борьба» может происходить во время научных конференций или корпоративных заседаний, на земле или в воздушном пространстве.

Когда мужчины, встречаясь, оценивают друг друга, неизбежно выходит на поверхность теневой комплекс стремления к власти. Тень представляет собой ту часть нашей психики, которая вызывает у нас ощущение дискомфорта или презрительное отношение к самим себе, содержит угрозу устремлениям Эго, но при этом она остается обособленной частью нашей души. Единственный способ интеграции тени – работа с ней, ибо неинтегрированная часть психики будет проецироваться на других людей или отыгрываться в поведении, опасном для окружающих. Хотя встречу двух мужчин на улице Санта Фе можно, пусть и с большим трудом, считать состязанием в риторике, в ней все равно отражается архетипическая проблема власти с существующими ей страхами и защитами.

Так мы подошли к второй мужской тайне: *значительной частью жизни мужчин управляет страх.*

Так как мужчины не знают или не могут объяснить то, насколько хрупкой силой они обладают, они редко могут допустить или рассказать другим о том сильном влиянии страха, которое они испытывают. Но для исцеления мужчины требуется, чтобы он перестал стесняться своего страха. Меня всегда восхищала свобода, с которой женщины признают свои страхи, делятся ими и в результате получают поддержку от окружающих. Для мужчины признать, что в его жизни присутствует страх, – значит рискнуть перестать ощущать себя мужчиной и ждать, когда его начнут стыдить окружающие. Таким образом, его одиночество только углубляется.

Друзья, но в этом нет тайны! Даже близкие вам женщины вас раскусили. По существу, так всегда и было. При подготовке этой книги я наткнулся на статью, напечатанную в марте 1992 года в «Женском домашнем журнале», которая называлась «Тайные мужские страхи: то, о чем он никогда вам не расскажет». Итак, они нашли наше слабое место! По существу, в статье правильно были описаны два фундаментальных мужских страха – страх несоответствия образу мужчины и страх физического или психологического испытания. (Заметим, что в этой книге уже говорилось о двойственной тревоге, которая проявлялась у меня детстве, – тревоге, связанной с работой и войной.)

Страх несоответствия образу мужчины – это самая заметная часть сатурнианской тени; ее составляют соперничество, отношения «победитель – проигравший», результативность как мера состоятельности мужчины. Страх перед испытаниями, присутствующий на пятой стадии ритуалов инициации, выражен у мужчин, сомневающих в своей способности защитить себя и свою семью. Сколько фильмов, начиная с «Соломенных псов» и заканчивая «Мысом страха», пробуждают у нас внутри пещерного человека, защитника домашнего очага? По существу, многие мужчины убеждены в том, что они больше боятся болезни, недееспособности и импотенции, чем смерти. Когда я сказал об этом аудитории во время выступления, логически показав всю абсурдность таких страхов (ибо что может быть страшнее смерти?), практически все мужчины без исключения одобрительно кивнули головой. Да, действительно, они больше боялись не пройти испытание, потерпеть поражение, чем умереть. Импотенция, любая форма бессилия оказываются для них хуже ухода из жизни. Работа, война и тревога...

Управляемый страхом, не в состоянии допустить своего бессилия (чтобы все, за что он берется, находилось в его руках), неспособный поделиться своим страхом с товарищами (чтобы они его не стыдили), мужчина прибегает к компенсации. Мужчина, который хвастается своей дорогой машиной, огромным домом, высокой должностью или статусом, в той или иной мере компенсирует свое ощущение собственной малой значимости. Деловые завтраки по высшему разряду и власть над людьми могут служить внешним выражением этого комплекса, однако они являются патетически демонстративной подменой подлинной состоятельности. На эту тему

очень хорошо высказался великий американский философ Пирл Бейли: «Их, таких, как они о себе думают, в действительности не существует». За демонстрацией власти скрывается комплекс, за комплексом – страх. Ни одно животное не представляет большей опасности для человека, чем испуганное. Возможно, был прав Фрейд, говоривший о примате сексуальности в человеческой жизни, возможно, Адлер, поставивший на первое место стремление к власти, ибо у раненого эроса не остается иного средства спасения, кроме временной жертвы своей властью.

Комплекс, связанный со стремлением к власти, – основная движущая сила в жизни мужчин. Он побуждает их к действию и травмирует их. Дав волю своей ярости, одни мужчины наносят травмы другим, а затем, испытывая печаль, сожаление и стыд, они все больше и больше удаляются друг от друга. Такое взаимное нанесение травм обходится чрезвычайно дорого; кроме того, оно время от времени повторяется. Все, что не поддается осознанию, бессознательно интериоризируется в несколько ослабленной форме или проецируется и отыгрывается на других с плачевными последствиями.

За неведение в отношении двух вышеназванных тайн, то есть за то, что на жизнь мужчин, как и на жизнь женщин, в значительной степени влияют ролевые ожидания, а также за то, что мужчины находятся под воздействием скрытого страха, приходится платить определенную цену. Она хорошо заметна и в страданиях конкретного мужчины, и в социальной патологии общества в целом. В среднем американские мужчины умирают на восемь лет раньше женщин. Вероятность подвергнуться насилию и совершить самоубийство у них в четыре раза выше, чем у женщин. Они в одиннадцать раз чаще попадают в тюрьму²⁶. И вся эта статистика ничуть не способствует тому, чтобы хотя бы попробовать измерить глубину мужской ярости, мужской печали и мужского одиночества.

Мужское движение – это долгожданная реакция на эти страдания, которые, с одной стороны, очевидны, а с другой – скрыты. Я бы не стал принижать желание мужчин создать свободное пространство, где бы они могли собираться вместе и делиться сопровождающими инициацию переживаниями, углубляющими их ощущение жизни. Но я уверен, что окончательные изменения происходят индивидуально. Сопричастность в переживаниях, конечно, важна, но индивидуальные изменения все же первичны.

Марксисты справедливо критиковали социальную структуру капиталистического общества, которую поддерживало большинство из нас, взрослых. По-моему, Карл Маркс был гуманистом, который видел современное ему зло, а следовательно, и зло нашего времени, и выражал не только свой гнев, но и видение альтернативы – бесклассовое общество. (К сожалению, его идеалы были перечеркнуты ГУЛАГами, погромами и многими тысячами напоминаний о том, что нарушение прав и свобод личности и ее обесценивание лишь создаст новую тиранию.) Однако в поисках улучшения материального положения человека Маркс обесценил человеческую духовность, создав доктрину, которая в конечном счете пришла к краху. (Как было сказано уже две тысячи лет тому назад, «не хлебом единым жив человек».)

Таким образом, при всей ценности своей социальной деятельности все социальные институты заканчивают борьбой за собственное выживание, а вовсе не служат выполнению той цели, ради которой они создавались. Точно так же, признавая необходимость мужского движения и важность его целей, я знаю и другое: там, где собираются два, а тем более, три мужчины, обязательно присутствует тень власти.

Вот почему эта книга обращена индивидуально к каждому мужчине, а также и к женщинам, которые находятся в отношениях с этим мужчиной. Можно объединяться в группы, делиться своими переживаниями с другими мужчинами, но современный мужчина должен родиться в «горниле собственной души». И только благодаря своей способности распознавать

---

²⁶ См.: Kipnis A. Knights without Armor. P. 16 и далее.

действующие внутри него силы мужчина будет принимать решение, возвращаться ему или нет в организацию, семью или общество в целом.

Юнгианский аналитик Джеймс Хиллман не так давно подверг критике длительную борьбу за индивидуальное осознание в своей «иконоборческой» книге «Психотерапии исполнилось сто лет, а мир стал только хуже». Точка зрения Хиллмана, безусловно, имеет свои основания, но я уверен в том, что воздействие коллективного сознания социума не более эффективно, чем совокупное воздействие индивидуальных сознаний каждого представителя социума. Мужчины, руководствуясь самыми благими намерениями, создали бюрократических монстров, институты и организации, чтобы властвовать над людьми, распространяя мрак и ужас. На своих лекциях в Йельском университете в 1937 году Юнг высказал ключевую мысль: новый человек должен сознательно нести бремя своей тени...

...ибо такой человек знает: все, что плохо в мире, плохо в нем самом, и если только он научится правильно обращаться с собственной тенью, значит, он уже сделал что-то реальное для всего мира. Он добился успеха в том, что может вынести на своих плечах какую-то бесконечно малую часть всех гигантских нерешенных социальных проблем нашего времени. В своем большинстве эти проблемы такие трудные потому, что отягощены взаимными проекциями. Как же может человек смотреть вперед, если он не видит ни самого себя, ни той темноты, которую он бессознательно привносит с собой в то, что делает?²⁷

Таким образом, я приглашаю мужчину прочесть эту книгу и поразмышлять над скрытыми в нем силами. То, что мы не осознаем в самих себе, проецируется на наше окружение, поэтому наше сообщество представляет собой «совокупность» индивидуального бессознательного всех его членов. На примере анализа сновидений и внутренних конфликтов отдельных мужчин я покажу, насколько все мы, мужчины, подвержены влиянию одних и тех же проблем. Чем лучше мы поймем собственное отношение к своей внутренней фемининности, тем больше у нас появится возможностей распутать клубок сложных отношений с реальной женщиной. Осознавая переживания, вызванные неизбежными травмами нашей чувственной сферы, мы можем страдать из-за чудовищной патологии окружающего нас мира, не превращаясь в чудовищ сами. Осознавая сильный духовный голод из-за недостатка мудрых старейшин в нашем обществе, мы можем приблизиться к тому, чтобы стать родителями для самих себя.

На каждом из нас лежит бремя ролей и ожиданий, представляющее собой тень Сатурна. Мы можем продолжать ненавидеть и ругать «их» – тех, кто таинственным образом «изобрел» и узаконил такую жизнь, но это ничего не изменит. Мы больше не можем ждать, что изменения произойдут под воздействием внешних условий, например в процессе участия в мужских движениях; мы должны измениться сами и сделать это индивидуально. Все изменения начинаются изнутри, но мы, мужчины, всегда сталкиваемся с неприятностями, интериоризируя свои переживания. Поэтому задача оказывается трудной, но все равно лучше решать ее, чем навсегда остаться под тенью Сатурна.

---

²⁷ Jung C. G. Psychology and Religion // Jung C. G. C. W. Vol. 11. Par. 140.

Глава 2

Дракон ужасен: внутренняя фемининность и реальная женщина

Древние греки считали Эроса самым старым и одновременно самым юным из богов, который находится у истоков всего сущего и в то же время всегда оказывается непредсказуемым и вездесущим. Когда Эрос подавлен и загнан в подполье, он приходит в ярость и становится неистовым и жестоким. Свободный же Эрос, которому никто не мешает, возводит соборы и пишет симфонии. Мы слишком сузили сферу влияния этого бога, сведя ее только к сексуальным отношениям. Разумеется, Эрос присутствует в сексуальности, но на наши поступки оказывают влияние силы гораздо более глубокие, чем секс, более длительные, чем любовь, и более таинственные, чем влюбленность.

Наверное, именно в поэзии лучше всего выражается то, что Блейк назвал «очертаниями желаний»²⁸. И, пожалуй, ни один из современных поэтов не трогает нас так глубоко, как Райнер Мария Рильке. В третьей «Дуинской элегии» Рильке описывает мрак, существующий в душе мужчины, используя образ «бога рек кровавых, несущего тайную вину»:

...Он им предавался. Любил их.
Внутренний мир свой любил, сокровенные дебри,
Девственный лес, где среди бурелома немного
Сердце его зеленело. Любил. Покидал, отправлялся
По своим же корням к могучим истокам,
Где крохотное рожденье его пережито уже.
В древнюю кровь он, влюбленный, нырял, погружался
В бездну, где жуть залегла, пожравшая предков. Любое
Страшилище знало его и встречало, приветливо щурясь.
Да, жуть улыбалась. И редко
Улыбалась так нежно ты, мать! Как он мог
Не любить ее, если она улыбалась. Он прежде,
Чем тебя, полюбил ее, ибо, когда его ты носила,
Она растворилась уже во влаге, где плавал зародыш.

Ведь мы – не цветы. Не одним-единственным годом
Нам любить суждено. Набухают, когда мы полюбим,
Незапамятным соком запястья...²⁹

(Перевод В. Миклушевича)

Мужчина смотрит на свою возлюбленную, но может ли она привлечь его только своей внешностью? Позади нее незримо присутствует его заботливая мать, которая уменьшает риск «опасной спальни». При этом она выступает в качестве посредника для глубинной связи с предыдущими поколениями предков. Мужчина ощущает «пустоту ограничений», «сокровенные дебри» и «девственный лес». Он знает, что там, в глубине, где существует «бездна, где жуть залегла, пожравшая предков», нечто ждет его и улыбается ему.

---

²⁸ Blake W. A Question Answered // Norton Anthology of Poetry. P. 508.

²⁹ Рильке Р. М. Часослов: Стихотворения. Харьков; М.: ФОЛИО, АСТ, 2000. С. 307–308.

Эта первая встреча вечно живет в мужской душе, наполненной страхом и нежностью. И, когда мы любим, в наших жилах бурлят вечные соки жизни. Возлюбленная вызывает в мужчине весь этот страх и эту нежность, но не только их.

Рильке интуитивно уловил то, что описал Юнг: жизнь происходит одновременно на трех уровнях – сознания, личного бессознательного и архетипического, или коллективного, бессознательного. Мы придаем особое значение своему «статусу» сознательного существа, может быть, потому, что сознание, которое нам очень нелегко досталось, позволяет познать неизвестное. Но центр сознания, Эго, представляет собой тонкий слой на поверхности безграничного океана бессознательного. Все мы начинаем это интуитивно понимать или ощущать в процессе сна или подвергаясь воздействию неуправляемой энергии заряженных комплексов. Но мы редко придаем должное значение тому, что происходит внутри нас, полагая: то, чего мы не знаем, не причинит нам боли. Здесь стоит повториться: то, чего мы не знаем, начинает нами управлять.

Под слоем эго-сознания находится индивидуальное бессознательное – совокупность разных психических воздействий, которым мы подвергались с самого рождения. Мы можем о них не помнить, зато они «помнят» о нас. Это область индивидуальных комплексов. Повторяю: комплекс – эмоционально заряженное переживание, сила которого зависит от тяжести аффективной нагрузки, если речь идет о травме, или от длительности ее влияния, если речь идет об отношениях с другим человеком. Обычно самыми важными для нас оказываются переживания, связанные с матерью. Разумеется, другие переживания и отношения тоже влияют на нас, но, как правило, с психологической точки зрения определяющими являются именно переживания, связанные с матерью.

Родная мать – тот источник, из которого мы появляемся; во время беременности у матери и плода общая кровеносная система, мы погружены в бессознательное матери и вместе с ней реагируем на нервное возбуждение. Даже после отделения от матери мы рефлекторно стремимся воссоединиться с ней. В каком-то смысле каждый поступок в последующей жизни совершается нами под воздействием эроса, жаждущего воссоединения с матерью через другие объекты желаний, посредством сублимации или даже через проекцию ее образа или ее черт на весь космос (такое же значение имеет слово «религия», образованное от латинского «*religare*» – воссоединять). Больше того, родная мать защищает младенца, заботится о нем и выступает в качестве главной посредницы между ним и внешним миром. (По мнению Рильке, она становится первым воплощением ужасного мрака в воображении младенца.) Она – «первичный объект», окружающий нас и находящийся над нами и между нами и внешним миром. Стоит ли удивляться тому, что она для нас так много значит?

Мать воплощает архетип жизни и дает нам его образец. Если от отца мы наследуем определенный набор хромосом, то мать – это место нашего рождения, центр нашей вселенной. Такие «наследственные потоки» оказались внутри хрупкого психологического сосуда – одного человека, женщины, которая феноменологически сопричастна таинству самой жизни. В специфических отношениях между матерью и ребенком заложена самая разная информация о жизненной силе. Биохимия материнского чрева, обращение матери с ребенком, подтверждение или отрицание ею его права на жизнь становятся первыми посланиями мальчикам об их жизни.

Подобно тому как жизнь человечества зародилась в доисторическом океане, наша жизнь зарождается в водах материнского чрева. Как мы относимся к своим истокам и в какой мере мы можем постичь себя и осознать свое место в космосе, изначально определяется отношениями между матерью и ребенком. Мы не только проводим с матерью формирующий период младенчества и раннего детства – дни, месяцы, годы (тем больше, чем более отстраненным от нас был отец, особенно если его не было вовсе). Роль матери исполняют и те, кто о нас заботится, учителя и воспитатели; в нашей культуре такими людьми тоже в основном являются

женщины. А это значит, что основную часть информации о себе и о том, что такое жизнь, мужчины получают от женщин.

Отсюда следует третья великая мужская тайна: *фемининность в мужской психике обладает огромной силой.*

Так как родная мать – носитель архетипа жизни, мы ощущаем воздействие как коллективного, так и индивидуального бессознательного. Иными словами, материнский комплекс – это живущая в каждом из нас аффективно заряженная идея матери. Она ощущается как потребность в тепле, привязанности и заботе. Когда при первом соприкосновении с жизнью эти потребности человека (или хотя бы большинство из них) удовлетворяются, он чувствует свою сопричастность жизни, ощущает, что есть место, где он будет защищен и окружен заботой. Если первичное ощущение фемининности было болезненным или связывалось с наличием определенных условий, человек чувствует себя оторванным от истоков и от самой жизни. Такая онтологическая травма ощущается в теле, обременяет душу и часто проецируется на весь мир. Из такого преимущественно бессознательного феноменологического «считывания» мира может развиваться общее мировоззрение человека.

Мне вспоминается случай одной моей пациентки. Цинтия родилась в Германии в первые годы войны. Ее мать, одаренная художница, тонко чувствовавшая жизнь, покончила с собой, когда девочке было два года. Ее отец служил в Вермахте и попал в плен в Северной Африке. Вернувшись домой из плена, он не испытывал к дочери никаких родительских чувств и отдал ее на воспитание сестре своей покойной жены. Год спустя он разбился насмерть на мотоцикле.

Приемная мать относилась к дочери своей покойной сестры крайне недоброжелательно; между ними никогда не было теплых отношений. В детстве Цинтия воровала шоколад и игрушки из магазинов, хотя ее приемные родители были весьма обеспеченными людьми. Когда Цинтия достигла пубертатного периода, у нее началась очень серьезная анорексия, поэтому много времени в подростковом возрасте она провела в разных больницах и клиниках. Мы встретились, когда ей было уже за тридцать. У нее остались нарушения в приеме пищи, но они уже не угрожали ее жизни. Теперь Цинтия страдала булимией – объедалась шоколадом, и это дважды в неделю вызывало у нее рвоту. Она изучала иностранные языки на дому, ибо только дома могла контролировать ситуацию. За это время у нее было всего несколько коротких, даже мимолетных, романтических увлечений.

По истечении десяти месяцев терапии Цинтии приснилось, что к ней в квартиру пробралась ведьма, выхватила у нее из рук куклу и вылетела на улицу. Во сне она почувствовала сильную тревогу и стала преследовать похитительницу. Догнав ведьму, девушка попыталась выкупить у нее куклу, но та отказалась ее продать. Цинтия стала ее умолять, но ведьма ответила, что вернет ей куклу, если Цинтия выполнит три условия: 1) займется любовью с толстым мужчиной; 2) прочитает лекцию в Цюрихском университете; 3) вернется в Гейдельберг и пообедает вместе с мачехой. Сон закончился тем, что Цинтии пришлось с грустью признать: хотя она и знала условия, необходимые для освобождения куклы, выполнить их было выше ее сил. Поэтому на сознательном уровне она ощутила испуг, услышав об этих заданиях.

Этот сон – прекрасная демонстрация нашего ощущения матери на трех уровнях одновременно. Потеря родной матери, потеря отца, который тоже мог бы о ней заботиться и ее защищать, а также крайне амбивалентное восприятие мачехи нанесло Цинтии травму и на индивидуальном, и на архетипическом уровне. Ведьма – общеизвестный символ «плохой» матери, и именно жизненный опыт Цинтии лишил ее, образно говоря, внутреннего ребенка, ее куклы. В результате жизнь Цинтии превратилась в защиту *от* жизни, то есть в защиту от возможности рисковать и приходиться к согласию. Ее анорексия, а позже и булимия были проекцией на еду ее экзистенциального страха.

Поставленная ведьмой тройная задача (для Цинтии в образе ведьмы воплотилась ее разрушенная жизнь) должна была представлять символическое освобождение частей ее личности,

которые до сих пор оставались неизменными. Хотя она и не занималась любовью с толстым мужчиной, но старалась преодолеть отчуждение от собственного тела – частного проявления архетипа природы. Чтобы преодолеть свою защиту-агорафобию, мешавшую ей общаться с окружающими, она прочитала лекцию. Везде и всюду ей приходилось сталкиваться с метонимическим³⁰ воплощением ее травмы – образом ее мачехи: в пище, в любом месте – везде, где ее травмированная материя-*мать* могла бы найти исцеление.

В данном сновидении проявляются усилия психики, направленные на самоисцеление. Ребенок рождается целостным, затем испытывает травматические воздействия, вызванные внешними событиями, причем каждое травматическое расщепление обнажает некую природную истину и создает соответствующую стратегию выживания. Такое расщепление и сопутствующий ему рефлекс гораздо больше известны под названием «невроз»: это отделение и отчуждение человеческой души от общества заставляет страдать каждого из нас. Повторяю, хотя этот сон приснился женщине, он хорошо иллюстрирует действие всех трех уровней бытия, которые несут на себе отпечаток первичной связи с миром матери.

Сознательно Цинтия вела жизнь, которая полностью определялась самозащитой. На уровне индивидуального бессознательного ее психические расстройства, связанные с приемом пищи, служили символическим выражением амбивалентного отношения Цинтии к еде, проекцией материнской травмы на материю («материя» – слово, производное от латинского «*mater*», мать). На архетипическом уровне Цинтия испытывала ощущение отчуждения от своего тела и от окружающих вследствие ее первых неудачных встреч с Другим. Стратегически организованные рефлекс, которые сформировали ее личность, подтверждают исключительную важность ее первой встречи с Другим, к счастью или нет, опосредованной ее родной матерью. Грустно, но неизбежно, что эта первая встреча с Другим становится определяющей для ребенка, который на основе этого опыта, предоставленного ему судьбой, экстраполирует, интериоризирует и обобщает свое представление о внешнем мире и соответственно формирует свои рефлекторные реакции. Если эта первая встреча с Другим является более ровной и теплой, чем у Цинтии, ребенок будет более уверенно себя чувствовать и больше доверять окружающему миру. Как однажды заметил Фрейд, ребенок, о котором заботилась мать, будет чувствовать себя непобедимым³¹.

Но, увы, благословенная материнская преданность ребенку может обернуться для него проклятием. Многие женщины стремились к тому, чтобы прожить не прожитую ими жизнь через жизнь своих сыновей. Именно здесь находится источник многочисленных обращений: «Сын мой, Спаситель мой...» Справедливости ради нужно отметить, что развитию анимуса этих женщин, то есть внутренней маскулинности, определяющей их уверенность в себе, компетентность и возможности, часто препятствовали заложенные в культуре полоролевые ограничения. Следовательно, эти женщины пытались косвенно реализовать свои возможности через своих сыновей. Психическая инфляция, которую способна вызвать любовь и опека безоглядно преданной матери, иногда может завести мужчин на такую высоту, на которую они сами никогда бы не поднялись³².

Согласно предположению Юнга, непрожитая жизнь родителя может стать для ребенка величайшим бременем. Таким образом, часто мужчину настойчиво, молча и бессознательно ведет к успеху психологически неразвитый материнский анимус. Как только со стороны слышится знакомый свист крыльев, прозорливый «птенец» сразу же раскрывает свой огромный «клюв» и жалобно произносит: «Ма! Я здесь!» По сути, нет ничего особенно плохого в том,

---

³⁰ Метонимия – замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности.

³¹ Jones E. The Life and Work of Sigmund Freud. Vol. 1. P. 8.

³² См.: Maloney M., Maloney A. The Hand That Rocks the Cradle. В этом исследовании делается акцент на роли матери в жизни многих известных мужчин.

что мотивация мужчины определяется сильным влиянием матери. Вместе с тем мы должны себя спросить: как и в какой мере он сам определяет свою жизнь, если несет на себе материнские проекции? Если мужчины хотят освободиться, они должны хотя бы осознавать ценности, которые определяют их жизненный путь.

В глубине психики такие слепые амбиции мужчин управляются теневой энергией материнского комплекса. Часто женщина, которая не жила своей жизнью и осталась с неразвитым анимусом, пытается сохранить психологическую власть над сыном. Далее мне хотелось бы привести два печальных, но вполне реальных примера.

Мой бывший коллега, преподаватель колледжа, жил на территории этого учебного заведения вместе с матерью, родившейся в Старом Свете. Хотя ему перевалило за пятьдесят, он никогда не был женат. Достигнув преклонных лет, мать резко сдала и часто бродила одна по территории колледжа. Дважды она держала руками входную дверь, не давая людям входить и выходить из здания. На вопрос, зачем она так поступила, она ответила: «Я стою на страже и не допускаю девок к моему бедному Сэмми». Свои планы она прекрасно воплощала в жизнь, и ее сын впервые женился лишь через несколько месяцев после ее смерти. Влияние этого комплекса было настолько сильным, что блестящий ученый и преподаватель не мог освободиться от него свою психику, пока ее не освободила сама судьба.

Другой мужчина, который постоянно сталкивался с серьезными трудностями в семейной жизни, наконец собрался с духом и попросил свою мать не вмешиваться в их с женой отношения и позволить ему самостоятельно во всем разобраться. Он показал мне ее ответ, написанный на маленьком клочке бумаги:

Дорогой сын!

Ты никогда не узнаешь о том, как разбил сердце своей матери. При том, что твоим отцом мог бы быть любой из десятка мужчин, у тебя есть только одна-единственная мать. Я недолго задержусь на этом свете, но, прежде чем умру, я надеюсь вернуть себе сына.

Твоя любящая мама

Когда-нибудь обязательно появится Доска материнской славы, на которой это письмо займет свое законное место. В нем мать бьет по всем целям и давит на все чувствительные места, обвиняя сына в избегании проекции ее анимуса, клевета на его отца и навязывая ему ответственность за ее, материнское, благополучие. Вместо того чтобы посмеяться над неловкостью ее откровенной манипуляции или прийти от этого в ярость, мужчина почувствовал себя совершенно сломленным. «Как мне ответить ей?» – спросил он. Ее психологическое воздействие на него было настолько сильным, что он мог смотреть на мир только ее глазами; он мог лишь пассивно страдать. Более того, он был настолько лишен самостоятельности, что не мог брать на себя свою долю ответственности в семейных отношениях. Записка матери (и ее отношение к сыну) представляет собой проявление не любви, а власти. Повторяю, по мнению Юнга, там, где есть власть, не остается места для любви.

Вместе с тем в терапевтической практике мне встречалось немало мужчин, которые испытывали столь сильную потребность в материнской заботе и внимании, что им было суждено оставаться неудовлетворенными своими женами. Хотя совершенно ясно, что женщины не хотят превращаться в матерей для своих мужей, ясно и то, что многие мужчины стараются добиться от жены безусловного принятия и заботливого отношения, присущего «хорошей» матери. Я видел много мужчин, супружеские отношения которых по разным причинам уже давно зашли в тупик, но при этом они не могли сохранять спокойствие даже при мысли о разводе. Мысль о расставании вселяла ужас в ребенка, покидающего дом, чтобы сделать шаг в неизвестное. Особенно тяжелым грузом становилась сексуальность, связанная с удовлетворением инфантильной потребности в заботе и телесном контакте. С течением времени женщины

все больше и больше устают от заботы о своих маленьких мальчиках, а мальчикам становится все труднее покинуть родительский дом и стать взрослыми, ибо ни каждый отец в отдельности, ни все они вместе взятые не могут указать им верный путь.

Когда мужчина ощущает эту динамику притяжения – отталкивания, связанную с материнским комплексом, он склонен примешивать это воздействие к своим отношениям с реальной женщиной. Поскольку в близких отношениях мужчина часто испытывает регрессию, превращая в мать своего партнера и бессознательно требуя, чтобы она была для него «хорошей грудью», он боится и подавляет женщину, словно, установив над ней контроль, он сможет совладать со своим подспудным страхом. Грустная история отношения мужчин к женщинам служит убедительным тому доказательством. *Человек стремится подавить то, чего он боится.* Именно страх является причиной притеснения женщин и гонений на гомосексуалистов; последние – чаще всего молодые мужчины, которые не ощущают себя в безопасности из-за особенностей своей психологии. Сопротивление, с которым столкнулся президент Клинтон, предложив отменить запрет на прием гомосексуалистов в американскую армию, было вызвано вовсе не тем, что в ней не было гомосексуалистов, которые служили Америке верой и правдой, и не отсутствием законов, запрещающих притеснение сексуальных меньшинств, а страхом мужчины-мачо перед своей внутренней фемининностью.

Приверженность психологии мачо прямо пропорциональна мужскому страху, и, если испуганные мужчины собираются вместе, они становятся источником насилия и таким образом позволяют излиться наружу своей подавленной фемининности. Крепкие бастионы психологии мачо, которые, вероятно, не более регрессивны, чем бастионы психологии военных, продолжают сохраняться в современном обществе. Наверное, чтобы научиться профессионально убивать, мужчина должен переступить через все свои внутренние принципы; он не может позволить себе сомневаться или проявлять любовь к людям. В глубине своей испуганной души он знает то, что уже давным-давно уяснили для себя древние греки: в конечном счете Арес (Марс) никогда не согласится с Афродитой (Венерой). Но мужчина будет бороться за свою власть, ибо, к сожалению, он так до сих пор и не понял, что быть мужчиной – значит ощущать спокойствие в отношениях с внутренней фемининностью. Так как его страх осознан только частично, он проецируется на всех, прежде всего на женщин и гомосексуалистов. Испытывая этот необъяснимый страх, мужчина-мачо остается маленьким мальчиком, как и мужчина, который ждет, что женщина станет для него матерью. И тот, и другой невольно подчинились материнской власти, отрицая, что внутри них существует и другая, не менее сильная энергия.

Несомненно, величайшая трагедия в отношении мужчины к фемининности заключается в том, что страх отчуждает мужчину от его анимы, мешает установлению близких отношений, проявлению его чувств и жизненной силы. Это отчуждение от самости вызывает отчуждение от других мужчин. Чаще всего их общение друг с другом представляет собой поверхностные разговоры о событиях внешнего мира, например, о политике и спорте.

Недавно я зашел постричься в ближайшую парикмахерскую. Вдруг какой-то мужчина плюхнулся рядом в кресло и в сердцах стал жаловаться на всю парикмахерскую: «Верх человеческой глупости! Жена сказала, что я должен посетить психотерапевта!» Никто не ответил. Он подумал, что его не услышали, поэтому повторил сказанное еще раз, и опять никто не проронил ни слова. Возможно, он ожидал услышать в ответ на свою тираду всеобщую поддержку. Сильнее вжавшись в свое кресло и испытывая неловкость, я решил, что все остальные подумали приблизительно так же, как я: «Дружище, а ведь она подала вам неплохую идею». Позже эта ситуация, как и тысячи подобных ей, стала казаться забавной, но я уверен, что за этой попыткой мужчины найти поддержку и одобрение в мужском сообществе скрывался его глубинный страх³³.

---

³³ Я описывал этот эпизод в день розыгрыша Суперкубка по американскому футболу и как раз прочитал в газете, что в этот

Юнгианский аналитик Ги Корню отметил, что у мужчин постепенно усиливается и отчуждение от своего тела, ибо ощущение реальности собственного тела связано у них с ранним, первичным контактом с матерью³⁴. Так как отцы их редко обнимали и держали на руках, все материальное и телесное у них ассоциируется с матерью; в результате они ощущают отчуждение от своего тела. Поэтому мужчины посещают врача в четыре раза реже, чем женщины, и, наверное, потому они раньше умирают. Да, это правда, что мужчинам часто не удается следить за своим телом, занимаясь физическим или умственным трудом, но это пренебрежение угрожает их здоровью и даже жизни. Очень просто все объяснять внешними условиями и обстоятельствами, но мы добровольно соглашаемся на самоотчуждение, обусловленное глубоко амбивалентным отношением к матери-материи, из которой создана наша плоть.

Эту внутреннюю дилемму современного мужчины иллюстрирует классическая история о лучнике Филоктете. Этот греческий миф положен в основу одной из трагедий Софокла, написанной в 409 году до н. э. По возвращении с поминального пира после похорон Геракла Филоктет получил волшебный лук и колчан с отравленными стрелами, которые всегда попадали точно в цель. На пути к Трое Филоктета укусила змея. Рана от укуса была незаживающей. В конце концов его товарищи, плывшие вместе с ним на корабле к Трое, больше не могли вынести ни зловония, распространявшегося из его раны, ни его тоскливых стонов, а потому они подплыли к острову и оставили там Филоктета на десять лет, пока продолжалась битва за Трой. Узнав от жреца, что они не смогут овладеть заколдованным городом без помощи раненого лучника, греки послали к нему гонцов, умоляя его вернуться в их ряды. Зная об их предательстве, Филоктет отверг все их предложения. Он удалился в свою пещеру, страдая от боли и одиночества и ожидая смерти. Хор, воплощавший коллективную мудрость, призывал его прекратить эгоистическое уединение и предпочесть ему героическую судьбу, но Филоктет оставался непоколебим. Наконец, ему явился образ Геракла, призывающий его вернуться к товарищам и сражаться вместе с ними. Филоктет внял его призыву, вернулся к грекам и убил Париса, что и привело к падению Трои.

Эту трагедию Софокла часто интерпретируют как драматизацию конфликта между человеческой индивидуальностью и социальными требованиями. Но мы посмотрим глубже, если признаем, что, несмотря на объективные причины, заставлявшие Филоктета ощущать предательство со стороны своих соратников, по своей сути его ответ был нарциссическим. Нарциссическая травма возникает при нарушении ощущения ядра самости, и в результате у человека появляется склонность смотреть на мир только через гештальт этой травмы. Такую личность можно назвать «идентифицированной с травмой». Для Филоктета война его товарищей с троянцами значила куда меньше, чем ухудшение или улучшение его состояния. Прежде чем он смог прийти к согласию со своим сообществом и принять его требования, ему пришлось совладать с собственной яростью, сильным стремлением к одиночеству, переживанием боли и жалостью к себе. Представший перед ним образ Геракла был проекцией его собственного героизма. Филоктет исцелился только после полного возвращения к жизни, а не в результате ухода от нее. Пещера, в которой он собирался обрести исцеление, по существу, символизирует его материнский комплекс: царство уютной темноты, в котором тепло и влажно и появляется ощущение жалости к себе и одиночества.

В мифах, религиозных традициях и явлениях культуры мы видим действие архетипических сил. Мы узнаем, что является вечным в нашей повседневной реальности. Это вызывает у нас потрясение; нас унижает собственное ничтожество или облагораживает сопричастность великой драме, в которой задействованы все мы, которая живет внутри всех нас и разыгрыва-

---

день «по традиции» мужа бьют своих жен. Если это не голословное утверждение, такое обстоятельство является постыдным и свидетельствует о страхе, который мужчины вымещают на женщинах в день торжества мужчин-мачо.

³⁴ Corneau G. Absent Fathers, Lost Sons. P. 23.

ется в мировой истории. Мифологические мотивы позволяют нам увидеть, как наши предки интуитивно чувствовали присущие человечеству противоречия. Не случайно родоначальники современной глубинной психологии Фрейд и Юнг очень часто обращались к мифам, чтобы изучить и описать движение этих невидимых энергий, формирующих человеческую историю через действия и поступки отдельных людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.